DOI 10.15826/izv2.2017.19.4.065

УДК 821.111-311.8 Фей + 910.4(26)-055.2

Е. С. Пургина

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В ЖЕНСКОМ ТРАВЕЛОГЕ: «ПИСЬМА ИЗ ИНДИИ» ЭЛИЗЫ ФЕЙ

В статье анализируется специфика женского травелога в контексте британского колониального дискурса на материале «Писем из Индии» (1817) Элизы Фей. Выделяются общие характеристики британского колониального травелога: этноцентричность и дихотомия «свои — чужие», специфическая временная перспектива (модус вневременности и ретроспективный модус), эстетизация ландшафта как стратегия его символического «освоения», два основных вида рассказчика («авторитетный» и «сентиментальный»), а также особый акцент на опасности и приключениях. Существует мнение, что женщины, как правило, избирали более индивидуализированный подход к местным культурам и их представителям (С. Миллз, М.-Л. Пратт, К. Каплан и др.), что определило амбивалентный характер женских травелогов, которые не только воспроизводили колониальный дискурс, но и подрывали его. Однако, анализ писем Элизы Фей показал, что, несмотря на присутствие в нем специфически «женских» черт, доминантные дискурсивные стратегии и устоявшиеся колониальные стереотипы воспроизводятся. Э. Фей относится к колониям потребительски, видя в них возможность для вертикальной мобильности, и письма служат скорее средством выражения ее роли «дамы-путешественницы», к которой она настойчиво стремится. В том, следует ли автор-женщина общим тенденциям или отходит от них, большую роль играет ее классовая принадлежность и уровень образования, что хорошо видно при сравнении писем Элизы Фей с письмами Леди Мэри Уортли Монтегю.

К л ю ч е в ы е с л о в а: британский колониальный травелог; колониальный дискурс; Британская империя; женщины-путешественницы; колониальная литература; гендерные различия.

В Британской империи колониальная литература играла важную роль, обеспечивая связь между миром метрополии и миром колоний, и женщины вносили значительный, пусть зачастую и незримый вклад в создание этой литературы [Blunt, p. 30]. Только за период с 1821 по 1914 г. 187 британских женщин опубликовали 245 произведений о Среднем и Ближнем Востоке [Melman, p. 7]. В колониальной иерархии женщины занимали промежуточное положение: «западная женщина... занимала подчиненное положение по отношению к западному мужчине, но доминирующее положение по отношению к коренному населению колоний» (здесь и далее перевод мой. — Е. П.) [Blunt, p. 37]. В этом промежуточном положении ряд исследователей (Сара Миллз, Мария-Луиза Пратт, Кора Каплан и др.) усматривают причину *двойственности*, которая проявляется в женских травелогах: с одной стороны, авторы-женщины безусловно являются выразительницами колониального дискурса, с другой стороны, в женских текстах встречаются элементы, которые можно рассматривать как подрывающие колониальный дискурс [Mills, p. 22]. Например, в них часто размывается четкая граница между «мы» и «они», которая обычно характерна для колониальных текстов, поскольку авторы-женщины делают основной акцент на межличностных отношениях, воспринимая представителей иных культур не в массе, а индивидуально. В результате, в женских текстах зачастую проскальзывает то, что Сара Миллз называет *unease* («*неуверенностью*») — авторы как будто сомневаются, какой взгляд им выбрать, следовать ли им колониальной традиции или отступить от нее, — именно из-за этого женские травелоги часто обвиняли в «низком качестве письма» (*bad writing*) [Ibid., p. 3].

Однако, Сюзан Басснетт предостерегает от однобокой трактовки «женских» текстов, указывая на то, что «само разнообразие женской литературы путешествий делает невозможной простую категоризацию» [Bassnett, p. 239], тем не менее, «некоторые тренды выделить всё-таки можно», в частности, она указывает, что женщины чаще, чем мужчины, выбирали форму эпистолярного травелога. Вместе с тем она отмечает, что как мужчинам, так и женщинам путешествия давали возможность переосмыслить свою жизнь и попробовать себя в той роли, которая на родине была для них недоступна, что не могло не отразиться на литературе путешествий, которую они создавали [Ibid., p. 234].

Важной отличительной чертой литературы путешествий было то, что авторы подчеркивали достоверность описываемого опыта и непосредственность своих впечатлений. Как заметил Андреас Шёнле, «эпистолярная форма... позволяет авторам имитировать неподготовленную, спонтанную, естественную речь» [Schönle, p. 8]. До XVIII в. считалось, что травелоги должны выполнять преимущественно развлекательную функцию, а потому они могли совмещать как правду, так и вымысел, но начиная с XVIII в., когда жанр травелога окончательно сформировался, произошел сдвиг в читательских ожиданиях в сторону большей аутентичности и фактической достоверности травелога. «Литература путешествий должна была рассказывать о реальном опыте и, более того, должна была нести в себе нравственный смысл» [Kingsley, p. 31]. Эти наблюдения как

нельзя лучше применимы к «Письмам из Индии» Элизы Фей, о которых речь пойдет ниже. В предисловии к «Письмам» автор акцентирует как личный, автобиографический характер своего травелога, так и подлинность излагаемых фактов, предлагая читателю «достоверный рассказ о некоторых примечательных событиях в истории одной особы», «неприукрашенное изложение простых фактов и описание реальных страданий» [Fay, p. xv]. Описания местных обычаев и нравов она неизменно стремится завершить тем или иным морализаторским выводом.

По степени субъективности-объективности повествования в литературе путешествий можно выделить **два основных типа рассказчика**: «авторитетный» рассказчик, стремящийся представлять максимально полную и «объективную» информацию о другой стране и ее обычаях, и «сентиментальный» рассказчик, который, напротив, делает акцент на субъективном характере своих впечатлений [Pratt, p. 105]. Если в первом случае рассказчик обычно стремится наполнить текст максимальным количеством «научных» деталей и подробными описаниями, то во втором случае рассказчик фокусируется на своем личном опыте общения с носителями местной культуры, вовлекая их в диалог и делая нарратив драматичным и эмоционально окрашенным. В женских травелогах того времени, как правило, превалировал второй тип рассказчика, поскольку считалось дурным тоном, если автор-женщина каким-либо образом претендовала на «научность» или «авторитетность». Это было связано с тем, что в западных обществах (равно как и во многих других культурах) публичная речь считалась мужской прерогативой, а женская речь в основном носила приватный характер и являлась продолжением бытового женского дискурса. Именно поэтому в своих травелогах женщины-писательницы обращались прежде всего к женской аудитории и выбирали менее «статусные» жанры (дневник или письмо), которые не претендовали на особую «литературность».

Помимо общего типа рассказчика, можно говорить и о более индивидуализированной «нарративной персоне» (*narratorial persona*), т. е. об образе рассказчика, который конструируется в каждом конкретном тексте. В травелоге персона, как правило, выходит на первый план: «Ряд стандартных черт литературного травелога появился специально для того, чтобы усилить голос нарратора. Сюда входят повествование от первого лица и форма личного письма или дневника» [Dickinson, p. 15]. В своем исследовании русского имперского травелога Сара Диккинсон в числе прочего анализирует, как авторы травелогов конструировали свои персоны, «приписывая им конвенциональные позы и точки зрения» [Ibid.]. Авторы британского колониального травелога действовали похожим образом, рассматривая свои путевые заметки как необходимый атрибут той социальной роли, на которую они претендовали.

Помимо акцентуации персоны и популярности формы путевого дневника и/или эпистолярного травелога, британскому колониальному травелогу были свойственны и некоторые другие черты, которые можно обнаружить как в мужских, так и в женских текстах, хотя они и могут различаться по степени выраженности.

1. **Этноцентризм.** Описания других стран строились в сравнительной перспективе, всегда подразумевая Великобританию как эталон. Все, что существенно отличалось от британских реалий, попадало в категорию «странного» и экзотического. Как удачно выразился Е. Р. Пономарев, говоря о русском имперском травелоге, и это можно в полной мере отнести и к травелогу британскому, «имперский травелог отличается от всех прочих общими задачами ментальной колонизации пространства. Четко разделяя пространство на свое и чужое, он стремится подчинить чужое пространство той логике событий и отношений, которая характерна для пространства своего» [Пономарев].

2. **Временная перспектива.** Сара Миллз отмечает, что в колониальных травелогах складывалось два модуса времени: в рамках первого, *модуса вневременности*, описываемый регион эссенциализировался и всё происходящее в нем объяснялось неизменной природой местного населения («Калькутта всегда остается Калькуттой»). В рамках второго, *ретроспективного модуса*, всё происходящее сегодня не считалось существенным, акцент делался на «славном прошлом» данного региона [Mills, p. 75]. С одной стороны, это позволяет наполнить регион величием, а с другой — игнорировать неприглядное настоящее. В любом случае, происходит обесценивание местного населения и его культуры в их современном наблюдаемом состоянии.

3. **Местное население.** Четко проводится граница между своими и чужими: местные жители представлены как «другие», часто как некая обезличенная масса, «они» (*they, natives*). Инаковость репрезентируется через метонимию — местное население изображается через фокус на отдельных частях их тел либо через телесные отправления: например, авторы пишут об ужасных запахах и грязи. При этом местные жители часто характеризуются как «примитивные», «отсталые», «средневековые», «дикие» и «неразвитые».

4. **Ландшафт.** М.-Л. Пратт отмечает, что в колониальных травелогах ландшафт, как правило, эстетизируется, авторы стараются максимально наполнить его смыслом, насыщая описания всевозможными литературными и историческими аллюзиями. Более того, М.-Л. Пратт усматривает в описаниях природы и достопримечательностей, столь характерных для литературы путешествий, попытку смотрящего «овладеть» или «присвоить» себе то, что он увидел [Pratt, p. 215]. По ее мнению, «эстетические качества ландшафта составляют социальную и материальную ценность этого “открытия” для родной культуры путешественника» [Ibid., p. 216]. (В этом автор колониального травелога во многом похож на современного туриста, который «потребляет» достопримечательности, фотографируясь на их фоне.) Таким образом, в травелоге происходят два параллельных процесса: пейзаж семантически «осваивается», в то время как люди, населяющие его, «затушевываются» и отдаляются, иногда вплоть до полного исчезновения.

5. **Приключения.** От литературы путешествий читатели ожидали прежде всего увлекательных описаний приключений автора в чужой стране или, как минимум, описания тех трудностей, с которыми ему или ей пришлось

столкнуться. Часто эти приключения описывались как «опасные», что подчеркивало враждебность окружения и усиливало дихотомию «мы — они».

Различия между мужскими и женскими травелогами зачастую были связаны с рецепцией этих произведений британским обществом, в частности, социальными нормами касательно того, какие именно сведения или события следовало включать в повествование, а какие — нет; какие темы являются «безопасными», а каких следует избегать, поскольку они являются недостаточно «женственными». Так, например, растительная тема считалась приемлемой для женщин, поскольку растения можно описывать эстетично, не рискуя затронуть щекотливую тему секса или показаться чрезмерно интеллектуальной [Mills, p. 81].

Если же «неудобные» темы все же поднимались, то авторы-женщины, как правило, предпочитали *дистанцироваться* от них, ссылаясь на сторонние источники, например, на рассказы, услышанные во время путешествий [Ibid., p. 82]. В этом плане показательны моменты, когда Элиза Фей в своих письмах затрагивает тему насилия: она увлеченно рассказывает шокирующие истории об уличных грабежах в Париже и о телах многочисленных жертв таких преступлений, которые якобы потом сбрасывают в Сену, при этом сразу оговаривается, что она просто пересказывает историю, услышанную от попутчика в дилижансе. В конце она добавляет следующее: «Я не скажу ничего более на эту шокирующую тему. Замечу лишь, что причиной служит либо какое-то значительное упущение в работе местной полиции, либо свирепость этих людей, которых не сдерживают даже суровые законы, хотя в других странах эти законы вполне соответствуют предназначенной им цели» [Fay, p. 9]. Сравнение, скрытое в этом заключении, подразумевает либо неадекватность правоохранительных органов, либо дефект самого народа, но в обоих случаях это сравнение существенно принижает французов и автоматически возвышает англичан.

Другой «опасной» темой была, безусловно, тема секса. В мужских травелогах колониальный дискурс часто сексуализируется: например, колонизируемая страна или ее ландшафт представляется в виде женского тела или женщины, которую нужно завоевать, а население колоний — как слабое, податливое и женственное. На это указывал и Эдвард Саид, говоря об использовании в колониальном дискурсе «метафор глубины, таинственности и сексуального обещания» и образа по-женски загадочного Востока [Said, p. 222]. В женских травелогах, напротив, подобная образность (покорения и проникновения) практически отсутствует, как не затрагивается и тема секса или сексуальных домогательств [Mills, p. 82]. «Турецкие письма» леди Мэри Уортли Монтегю (1725) могут показаться исключением из общего правила: получив доступ на территорию, закрытую для европейских мужчин, она не смогла отказать себе в удовольствии подробно описать турецкие бани и их посетительниц (тем самым вдохновив Энгра на создание его знаменитой картины). Однако, в своем травелогe леди Мэри сделала акцент на эстетическом, а не на эротическом аспекте. Более того, восхищаясь красотой восточных женщин, она говорит не об их соблазнительности или привлекательности для мужчин, но особо подчеркивает их свободу и защищенность по

сравнению с европейскими женщинами [Lady Mary Wortley Montague, p. 361]: например, она положительно оценивает обычай носить чадру, считая, что это позволяет восточным женщинам наслаждаться анонимностью и независимостью в отличие от женщин европейских, которые постоянно рискуют быть узванными [Ibid., p. 299].

Как было сказано выше, женские травелоги в большей степени, чем мужские, делали акцент на личной интонации. В этом женщины-путешественницы в значительной степени следовали общественным ожиданиям: предполагалось, что они будут писать «о личном», т. е. о своих эмоциональных впечатлениях, о частной жизни и отношениях, не претендуя на объективность или большую общественную значимость своих трудов [Mills, p. 96].

Показательно, что женщины-писательницы неохотно использовали свое полное настоящее имя: они предпочитали прибегать к псевдонимам, указывали только инициалы или же писали анонимно, даже когда публиковались в популярных женских журналах того времени «*Englishwoman's Domestic Journal*» и «*The Queen*» [Chaudhuri, p. 550]. В свете всего вышесказанного неудивительно, что Элиза Фей задумалась о публикации своих писем только за год до смерти. По ее собственному признанию, друзья неоднократно убеждали ее опубликовать письма, но она не рискнула сделать их достоянием общественности, поскольку «не считала себя обладающей бесспорным талантом или превосходными знаниями»: «С тех пор в общественных настроениях произошли значительные изменения... Женщина-автор теперь не становится объектом насмешек и может не опасаться сурового порицания со стороны *властителей литературного мира*», — писала она [Fay, p. xvi]. Следует заметить, что Элиза Фей оказалась чрезмерно оптимистичной в отношении «властителей»: например, в своем предисловии к изданию «Писем» от 1908 г. редактор журнала «*Bengal, Past and Present*» У. К. Фёрмингер снисходительно замечает, что «манеру письма миссис Фей довольно трудно назвать “стилем”», и критикует ее за «небрежное обращение с грамматикой»: «она часто расставляет слова в таком порядке, что у неё неизбежно потом возникают проблемы с относительными местоимениями» [Ibid., p. xi]).

Большинство женщин, прибывавших в Индию вместе со своими мужьями, принадлежали к низшему среднему классу [Chaudhuri, p. 550]. Часто еще до прибытия в колонию будущие мемсахиб уже имели более-менее сложившееся представление о том, что их там ждет, благодаря статьям в уже упоминавшихся популярных женских журналах, в которых давались подробные советы о том, как наилучшим образом наладить быт и т. п. Оказавшись в Индии, эти женщины, помимо круга соотечественников, контактировали в основном со слугами, и на основании этих контактов выстраивали свои представления обо всем местном населении, которые затем транслировали в метрополию через письма, статьи и автобиографии [Ibid., p. 549].

Элиза Фей была одной из этих женщин. Те сведения о ней, которыми мы располагаем, достаточно скудны: например, точно неизвестны дата и место

ее рождения, равно как и многие другие сведения о ее семье, воспитании и образовании. Предположительно, Элиза Фей родилась в 1756 г. в Лондоне, и, возможно, ее отец был моряком. Э. М. Форстер, принявший самое активное участие в подготовке к публикации писем Элизы Фей в 1925 г., утверждал, что, скорее всего, ее образование носило коммерческую направленность и было весьма ограниченным [Gupta-Casale, p. 82]. Она хорошо знала разговорный французский и итальянский, а также немного португальский. Элиза вышла замуж за Энтони Фея, барристера, когда ей было 23 года. Свое первое путешествие она совершила вместе с мужем, сопровождая его в Калькутту, где он планировал сделать юридическую карьеру. Ее первое письмо датировано 18 апреля 1779 г. и отправлено из Парижа, откуда они путешествовали через Лион, Марсель, Геную и Ливорно, Александрию, Каир, Мокку, Кочи, Мадрас, и в мае 1780 г. достигли Калькутты, т. е. путешествие заняло в общей сложности около двенадцати месяцев.

Тем не менее, их ожидания не оправдались: Энтони Фею не удалось добиться успеха на профессиональном поприще, более того, он, по свидетельству жены, стал вести разгульный образ жизни, и через год они развелись. В результате Элиза вернулась в Англию в 1783 г. с подорванным здоровьем и без денег, однако через год, восстановив силы, она вновь отправилась в путешествие, на этот раз в Бомбей в качестве сопровождающей для четырех дам. За этим последовал ряд не самых удачных деловых предприятий, в частности, шляпная мастерская и торговля тканями. Элиза Фей умерла в Калькутте 9 сентября 1816 г. в возрасте шестидесяти лет. Незадолго до своей смерти она начала готовить письма к публикации. Как предположила Нира Гупта-Касаль, основной причиной тому было «отчаянное финансовое положение», в котором Элиза в очередной раз оказалась [Ibid., p. 80]. Однако опубликовать свои письма Элиза так и не успела, и они вышли посмертно, в 1817 г., под названием «The Original Letters from India», а затем были переизданы в 1821 и 1908 гг.

Для широкого читателя Элизу Фей заново «открыл» Э. М. Форстер, который не только убедил Вирджинию и Леонарда Вульф напечатать ее письма в издательстве «Hogarth Press», но и подготовил текст к публикации, снабдив его предисловием и комментариями. Одно из эссе Форстера в сборнике «Фарос и Фарильон», посвященном Александрии, называется «Элиза в Египте» и содержит краткий и ироничный пересказ ее первого путешествия. Форстер характеризует Элизу как «натуру живую и довольно зловредную» и отмечает ее неиссякаемый оптимизм и энергию: «в том, что касалось будущего, она всегда сохраняла уверенность в себе и оптимизм, и именно ее смелость и решительность обернуть неприятности себе на пользу придают очарование ее личности, которая иначе вызывала бы мало симпатии» [Forster, p. 62].

Обратимся непосредственно к текстам писем Элизы Фей и посмотрим, как реализуются в них те черты женского британского травелога, которые мы рассмотрели выше. Для своего травелога Элиза выбрала конвенциональную форму «писем домой» / путевого дневника: «Перед тем, как покинуть Англию,

мы договорились, что мои письма не будут адресованы кому-либо лично, но что они будут следовать скорее стилю путевого дневника» [Fau, p. 1]. Сборник состоит из двух частей: первая часть — это 23 письма, адресованные семье Элизы и написанные во время ее первого путешествия в Калькутту (в предисловии к сборнику Элиза пишет, что эти письма были сохранены ее сестрой [Ibid., p. xvii]); вторая же часть включает в себя восемь писем, написанных в 1815 г. и адресованных некой миссис Л. (Mrs. L.). Нира Гупта-Касаль высказала предположение, что миссис Л. — персонаж, выдуманный Элизой для того, чтобы сохранить формат эпистолярного травелога и включить в сборник рассказ о тех событиях, которые произошли в ее жизни после первого путешествия в Калькутту [Gupta-Casale, p. 66].

Формат «письма-дневника» позволил Элизе не только сохранить цельность всего сборника, но и создать у читателя ощущение непосредственности тех впечатлений, которые она описывает. В отличие от мемуаров, большинство событий представлены как только что или недавно пережитые, во всей спонтанности эмоциональных реакций автора. Кроме того, такая форма эпистолярного травелога «работает» на создание образа «непритязательного» автора, который не стремится сделать свой опыт достоянием широкой общественности, но, якобы повинаясь порыву, делится своими путевыми заметками с ближайшим окружением — семьей и друзьями. Если в том, что касается первой части сборника, это могло быть и правдой, то вторая часть несомненно создавалась в расчете на возможную публикацию. В связи с этим можно говорить о том, что «персона», которую Элиза Фей конструирует в своем травелоге, претерпевает определенную эволюцию, которая особенно заметна при переходе из первой части сборника во вторую, написанную позже. Если в первой части акцентируется роль верной жены и спутницы, которая наравне со своим мужем стойко переносит невзгоды и тяготы путешествия ради его успешной карьеры в колониях, то во второй части Элиза предстает в роли отважной и любознательной путешественницы, независимой в своих решениях и поступках.

Впрочем, и во время первого путешествия в Калькутту Элиза играла самую активную роль, занимаясь организационными и финансовыми вопросами, налаживая связи и т. п., очевидно, не сильно рассчитывая в этом на своего мужа. Безусловно признавая и принимая общепринятые гендерные конвенции (например, о том, как должна выглядеть дама во время путешествия, или о том, какой способ передвижения она должна выбирать), Элиза кажется достаточно независимой в своих суждениях и ни в коей мере не считает себя ниже мужчин: она свободно комментирует и критикует их действия, независимо от того, насколько высокопоставленными они являются. Однако в экстремальных ситуациях Элиза неизменно переключалась на традиционную роль «слабой женщины», которая в принятии решений не участвовала и нуждалась в мужской защите. Так, в ее письме от 13 сентября 1779 г. есть примечательный эпизод о том, как мужчины решали, как защитить ее на случай нападения враждебных турецких властей: «Всех интересовал вопрос: “А что нам делать с дамой?” В конце концов

они решили отправить меня в дом итальянского доктора, поскольку там было безопасно» [Fay, p. 57].

Текстам Элизы Фей присуще большинство черт колониального травелога, о которых говорилось выше: например, этноцентричность. В тех дихотомиях, которые выстраиваются в тексте («свой — чужие», «опасность — безопасность», «цивилизация — дикость, варварство»), Англия, безусловно, занимает положительный полюс, любые другие страны и регионы проигрывают в сравнении с ней. Довольно часто встречаются высказывания в духе: «О, Англия! Дорогая Англия! Как я взываю к тебе, стране свободы и безопасности» [Ibid.]. О французской провинции она пишет: «Об этой стране я не могу сказать ничего конкретного; возможно, во мне говорят национальные предрассудки, от которых никто из нас не свободен... но я думаю, что нет равных моей дорогой любимой Англии» [Ibid., p. 13].

Интересно, что во время путешествия по европейским странам в письмах Элизы превалировала дихотомия «Англия — не-Англия», но как только она оказалась в Египте, акценты сместились, и эта дихотомия стала выглядеть как «Европа — не-Европа». Аналогичным образом, пока она путешествовала по Франции и Италии, ее восприятие себя соответствовало модели «англичанка, путешествующая во Франции». Так, про посещение Фонтенбло она говорит: «нам показали зал заседаний, где был подписан последний мир, и мне как англичанке было чрезвычайно приятно его лицезреть» [Ibid., p. 14]. В Египте появляется формула «мы, европейцы, во враждебном окружении»: о посещении дома консула: «Мне понравились и мать и ребенок, ведь будучи чужой в этой чужой стране... любое проявление внимания приятно и утешительно, особенно когда ты, как и любой другой европеец здесь, чувствуешь себя во враждебном окружении» [Ibid., p. 41].

Несмотря на то, что, как говорилось выше, женщины-путешественницы были более склонны, чем мужчины, преодолевать стереотипное мышление и более индивидуализированно относиться к представителям других культур, Элиза в значительной степени следует общим тенденциям колониального дискурса: отклонения от нормы метрополии характеризуются как «странные», и упор делается не на сходные черты между местными культурами и британской культурой, а на их различия. В целом, в ее текстах можно выделить несколько групп персонажей по степени близости ее общения с ними и индивидуализированности восприятия: в первом, самом близком круге общения, находятся ее соотечественники, о них она пишет подробно, указывая имена, биографические данные, род занятий, темперамент и пр.

Во втором круге находятся другие европейцы — французы, португальцы, итальянцы и евреи. Элиза также указывает их имена и достаточно подробно останавливается на описании этих людей, на интересных подробностях их биографии, манерах, поведении и т. д. При этом она периодически предлагает и более обобщенные описания местных женщин — ее особенно интересует их внешность и манера одеваться. Вот, например, как она характеризует жительниц

Генуи: «больше всего они отличаются своей гордостью. Они носят тяжелые одеяния, которые их не красят... Румянятся, но у них это получается лучше, чем у французских дам, которые скорее штукатурятся, чем красятся. И все же даже в самом лучшем своем виде этот обычай мне кажется омерзительным» [Fau, p. 28].

В третьем круге оказываются носители неевропейских культур. Элиза выделяет высокопоставленные или влиятельные фигуры (Хайдер Али, Саддир Хан и т. д.), но их описания не отличаются большой подробностью и носят скорее «функциональный» характер, т. е. автор просто отмечает, какую роль (позитивную или негативную) они сыграли в ее поездке, насколько гостеприимными или негостеприимными, дружественными или враждебными они были.

В основном же эту группу составляет местное население. Они представляются как недифференцированная людская масса, их имена Элизе не известны, и она обозначает их как «*natives*». При описании местных жителей и их обычаев используются такие слова, как «странные» (*strange, inconceivable*), «любопытные» (*curious*), «шокирующие» (*shocking*), «таинственные» (*mysterious*), «противоестественные» (*unnatural*) или «отвратительные» (*disgusting*). Например, про жителей Каира она пишет: «в основной своей массе эти люди нуждаются в самом необходимом и вызывают лишь отвращение, поскольку те, кто стоят выше своих соотечественников, не кажутся заслуживающими своего высокого статуса ни прекрасными манерами, ни даже банальным соблюдением приличий» [Ibid., p. 47]. Хотя Элиза обнаруживает острый ум и наблюдательность, характеризуя своих соотечественников, она часто демонстрирует ограниченность и стереотипность мышления, рассуждая о других культурах, даже не допуская мысли о том, что имеет дело с совершенно другой «системой координат». Например, она описывает церемонию в честь поднятия уровня воды в Ниле следующим образом: «сборище полуголых жалких существ, которые издавали громкие вопли и жестикулировали, как безумные. Среди них я не смогла различить ни одного приличного (*decent*) человека» [Ibid., p. 48].

Следует отметить, что Элиза Фей намного более озабочена темой соблюдения «приличий», чем, например, упоминавшаяся выше леди Мэри Уортли Монтегю, чьи письма были опубликованы раньше, в 1725 г., и которые неоднократно сравнивались с «Письмами из Индии» (первым это сравнение сделал Э. М. Форстер в своих комментариях к письмам Элизы Фей). Письма леди Мэри составляют разительный контраст с «Письмами из Индии»: леди Мэри оказывается в значительно большей степени, чем Элиза Фей, открыта другим культурам и с энтузиазмом приветствует новые для себя обычаи и традиции. Достаточно сравнить, например, как обе они отзываются об итальянском обычае чичисбеев или описывают свой опыт переодевания в восточный женский костюм: со стороны Элизы превалирует неприятие, отвращение и морализаторский пафос, а со стороны леди Мэри — любознательность, восхищение и живой интерес.

Различные группы местного населения, которые выделяются по этническому или социальному признаку, характеризуются как жестокие и агрессивные, двуличные и вероломные и/или ленивые. Следуя устоявшимся представлениям

о Востоке, Элиза подробно описывает жестокость и лживость арабского населения. Так, например, она пишет: «Это рай воров. Я думаю, все население можно разделить на два класса: тех, кто применяет силу, и тех, кто обманом добывается своей цели» [Fay, p. 50]. В качестве подтверждения она рассказывает историю, в которой «жестокий» (brutal) араб «прямо на глазах у хозяина» убивает собаку путешественника-англичанина, которая выбилась из сил и не могла следовать за караваном [Ibid., p. 64].

Что касается индийских слуг, то тут акцентируются прежде всего такие качества, как «безмерная лень» (*excessive idleness*) и «полное отсутствие стыда» (*no sense of shame*). Например, в ее письмах есть следующий довольно забавный эпизод: «Я начала заниматься домашним хозяйством, которое является источником постоянных хлопот в этой стране, где слуги ничего не будут делать без твоего прямого приказа, да и приказы они исполняют неохотно. Я только что попросила человека поставить рядом со мной небольшой столик. Он поднял громкий крик, призывая на помощь носильщиков. “Почему ты не можешь сделать это сам?” — спросила я, поднимаясь, чтобы помочь ему. “О! Я не англичанин: я бенгалец. Я не сильный, как англичанин: один, два, три бенгальца не могут, как англичанин”» [Ibid., p. 137]. Лукавая насмешка бенгальского слуги, смешанная с лестью, осталась незамеченной его мемсахиб, которая увидела в его поведении лишь еще одно подтверждение стереотипа о неистребимой лени местных слуг.

Элиза довольно подробно описывает индуистские обычаи, и в числе прочего с негодованием пишет об индийском обычае сати: «в тех религиях, которые не знают Священного Писания или не следуют ему, мы сталкиваемся с подобными вопиющими проявлениями безумия и суеверия, которые разрешают власти», далее она выражает благочестивую надежду на то, что рано или поздно все народы «объединятся под рукой одного Пастыря» [Ibid., p. 131]. Интересно, что в дальнейших рассуждениях Элизы о сати происходит смещение дискурса с колониального на гендерный: если сначала она рассматривает этот обычай вполне традиционно, как проявление ложной религии, и ужасается его нелепости, то далее она начинает полемизировать с мнением своих соотечественников-мужчин и солидаризируется с женщинами в целом. Более того, она подвергает сомнению абсолютность британских обычаев: «Я не могу сдерживать улыбку, — пишет она, — когда слышу, как джентльмены ставят в пример поведение индийских женщин как проявление высших личностных качеств, поскольку я хорошо знаю, что все мы являемся рабынями обычая, где бы мы ни находились, и что если бы в Англии для сохранения своей репутации женщине пришлось пойти на саможжение, многие из тех, кто мирился с мужем из-за статуса, кто жил с ним без любви... все же взошли бы на погребальный костер, как того требуют приличия, и умерли бы героически» [Ibid., p. 161]. Таким образом, и английские, и индийские женщины в равной мере могут стать жертвами культурных и социальных конвенций — «рабынями ханжества и суеверия». Далее Элиза противопоставляет слепое следование обычаю тому, в чем она видит признак неподдельной любви и верности, а именно готовности переносить любые

невзгоды ради счастья и благополучия мужей [Fay, p. 161]. Эти рассуждения представляют собой редкий случай, когда в письмах экзотизируются и релятивизируются британские обычаи, которые, как и обычаи индийские, выступают принудительной силой по отношению к женщинам и вынуждают их совершать неоправданные, нерациональные действия.

«Письма из Индии» изобилуют описаниями ландшафта и местных достопримечательностей. Автор преимущественно использует ретроспективный модус, т. е. воспринимает регион в контексте его исторического прошлого («Я могла представить себя живущей в мире, который уже давно канул в прошлое» [Ibid., p. 43]). Надо сказать, что в выборе объектов для описания она не стремится к оригинальности, целенаправленно выбирая объекты, которые, как она знает, хорошо известны ее читателям. Она эстетизирует ландшафт, а также наполняет его литературными (библейскими) и историческими аллюзиями, демонстрируя заодно и свою эрудицию. В этом плане особенно показательно описание дворца Клеопатры в Александрии: «Я стояла посреди руин, размышляя об этой ужасной сцене, пока я, как мне казалось, почти вживую не смогла увидеть его бывшую хозяйку, которая нежилась в роскоши со своим обезумевшим от страсти возлюбленным Марком Антонием, пожертвовавшим из-за нее всем» [Ibid., p. 39]. Этот восторженный комментарий дал Э. М. Форстеру повод ехидно заметить, что вскоре Элизе и самой предстоит хладнокровно созерцать гибель своего Антония (мужа Элизы звали Энтони), который «протащил ее через череду неприятностей, пока в конце концов она с ним не развелась» [Forster, p. 60]. Таким образом, Элиза следует общей тенденции в развитии травелога конца XVIII — первой половины XIX в., а именно моде на «живописность» повествования.

В своих письмах она пытается «запечатлеть» себя на фоне конкретных достопримечательностей, которые, как она знала, являются хорошо известными на родине, что напоминает поведение современного туриста, который аналогичным образом «потребляет» достопримечательности, символы и статусы. Тем самым она подкрепляла свой статус «дамы-путешественницы», которая помимо практических вопросов (которым в ее травелоге уделяется много внимания), интересуется и более возвышенными материями.

В целом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на ряд «женских» особенностей (избегание «неудобных тем», выбор формата эпистолярного травелога и «сентиментального» типа рассказчика и т. д.), в своих письмах Элиза Фей неуклонно следует общей традиции колониального травелога, воспроизводя стереотипные для своего времени представления. Ее повествование предельно этноцентрично, представляя Великобританию центром цивилизованного мира. Проводится четкое разделение на «своих» и «чужих», причем граница «свой — чужой» имеет свойство смещаться по мере удаления от метрополии. Однако в идеологическом плане мы видим, что оправдание колониализма через его цивилизаторскую миссию для Элизы Фей не имеет особого значения. Она относится к колониям потребительски, рассматривая их с точки зрения получения выгоды, социальной или экономической. Как справедливо заметила Нира Гупта-Касаль,

Элиза Фей «проявила отчаянную жажду вертикальной мобильности, и, будучи человеком, для которого Индия означала движение вверх в классовой структуре, она запечатлевала и раскрывала будничные стороны строительства Империи и мелкие склоки между своими соотечественниками» [Gupta-Casale, p. 82].

В своем взаимодействии с местными культурами и их представителями Элиза Фей не стремилась открыть для себя новое и, соответственно, предложить новый взгляд на них своим соотечественникам, но вместо этого искала подтверждение уже сложившимся взглядам и стереотипам, тем самым избрав более поверхностный путь. Она прилагает немало усилий, чтобы подчеркнуть свой патриотизм и свою приверженность британским религиозным и нравственным ценностям, наполняя описания местных нравов и обычаев морализаторским пафосом. Это особенно бросается в глаза при сравнении «Писем из Индии» с травелогом леди Мэри Уортли Монтегю. Справедливости ради следует отметить, что, в отличие от Элизы Фей, для которой это был первый и последний подобный опыт, леди Мэри на момент написания своего травелога уже достигла значительного признания в литературном мире, выступая как поэт, писатель и литературный критик. В своем тексте леди Мэри апеллирует прежде всего к аристократической аудитории, причем как мужской, так и женской, в то время как читателем, на благосклонность которого рассчитывала Элиза Фей, вероятно, были женщины среднего класса.

Таким образом, в травелогЕ Элизы Фей особенности, которые можно условно обозначить как «гендерные», по значимости существенно уступают особенностям классовым: на наш взгляд, именно классовая принадлежность и связанный с ней уровень материального благосостояния и образования определяли выбор автором той или иной нарративной персоны, а также желание установки на главенствующие тенденции колониального дискурса или отклонение от них.

Источники

Fay E. The Original Letters from India. Calcutta : Thacker, Spink & Co, 1908.

Lady Mary Wortley Montagu. Letters and Works : in 2 vols. London : Henry G. Bohn, 1861.

Исследования

Пономарев Е. Р. Русский имперский травелог [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2017. № 144. URL: <http://www.nlobooks.ru/node/8341> (дата обращения: 29.05.2017).

Bassnett S. Travel Writing and Gender // The Cambridge Companion to Travel Writing / ed. by P. Hulme, T. Youngs. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2002. P. 225–241.

Blunt A. Travel, Gender, and Imperialism: Mary Kingsley and West Africa. New York ; London : Guilford Press, 1994.

Chaudhuri N. Memsahibs and Their Servants in Nineteenth-Century India // Women's History Review. 1994. № 3. P. 549–562.

Dickinson S. Breaking Ground. Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin. Amsterdam ; New York : Rodopi, 2006.

Forster E. M. *Eliza in Egypt* // Forster E. M. *Pharos and Pharillon*. Edinburgh : Hogarth Press, 1923. P. 59–73.

Gupta-Casale N. *Intrepid Traveller, 'She-Merchant', or Colonialist Historiographer: Reading Eliza Fay's 'Original Letters'* // *New Readings in the Literature of British India, c. 1780–1947*. Stuttgart : Verlag, 2014. P. 65–93.

Kingsley Z. *Women Writing the Home Tour, 1682–1812*. Aldershot : Ashgate Publ. Comp., 2008.

Melman B. *Women's Orients: English Women and the Middle East, 1718–1918. Sexuality, Religion and Work*. London : Macmillan, 1992.

Mills S. *Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism*. London ; New York : Routledge, 1993.

Pratt M.-L. *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London ; New York : Routledge, 2007.

Said E. W. *Orientalism*. New York : Random House, 1994.

Schönle A. *Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840*. Cambridge ; London : Harvard Univ. Press, 2000.

Поступила в редакцию 05.06.2017

Принята к печати 22.08.2017

Пургина Екатерина Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры лингвистики и профессиональной
коммуникации на иностранных языках
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4, каб. 362
E-mail: kathy13@yandex.ru

Purgina, Ekaterina Sergeevna

PhD (Philology), Associate Professor
Chair of Linguistics and Professional
Communication in Foreign Languages
Ural Federal University
4, Turgenev Str., office 362,
62000 Yekaterinburg, Russia
Email: kathy13@yandex.ru

COLONIAL DISCOURSE IN WOMEN'S TRAVELOGUE: THE ORIGINAL LETTERS FROM INDIA BY ELIZA FAY

This article analyses *The Original Letters from India* by Eliza Fay (1817) and points out specific characteristics of women's travelogue in the context of the British colonial discourse. The author also gives a general overview of the characteristics of the British colonial travelogue: ethnocentricity and dichotomy 'we/others'; the specific temporal modes (the mode of extratemporaneity and the retrospective mode); aestheticisation of the landscape as a strategy of 'mastering' it; the two main narrator types ('manners and customs' and 'sentimental'); and a special accent placed on the dangers and adventures of travel. Since women tended to adopt a more individualised approach to local cultures and local people, it led Sara Mills, Marie-Louise Pratt, Cora Kaplan, and other researchers to emphasise the ambivalent nature of women's travel writing, namely that women not only reproduced the colonial discourse but also undermined it. The analysis of Fay's *Letters*, however, has shown that although her writing has certain gender specific features, she follows the mainstream discursive strategies and established colonial stereotypes. Eliza Fay treated colonies as an opportunity for vertical mobility, her letters serving as a constituent element of the role of a lady traveller

that she was so desperate to play. Thus, the educational background and class position had a great impact on whether the woman traveller chose to follow the general trends or not, which can be demonstrated by comparing the letters by Eliza Fay and Lady Mary Wortley Montagu.

Key words: British colonial travelogue; colonial discourse; British Empire; women travellers; colonial literature; gender differences.

Bassnett, S. (2002). Travel Writing and Gender. In P. Hulme, & T. Youngs (Eds.), *The Cambridge Companion to Travel Writing* (pp. 225–241). Cambridge: Cambridge University Press.

Blunt, A. (1994). *Travel, Gender, and Imperialism: Mary Kingsley and West Africa*. New York; London: Guilford Press.

Chaudhuri, N. (1994). Memsahibs and Their Servants in Nineteenth-Century India. *Women's History Review*, 3, 549–562.

Dickinson, S. (2006). *Breaking Ground. Travel and National Culture in Russia from Peter I to the Era of Pushkin*. Amsterdam; New York: Rodopi.

Forster, E. M. (1923). Eliza in Egypt. In E. M. Forster, *Pharos and Pharillon* (pp. 59–73). Edinburgh: Hogarth Press.

Gupta-Casale, N. (2014). Intrepid Traveller, 'She-Merchant', or Colonialist Historiographer: Reading Eliza Fay's 'Original Letters'. In S. Towheed (Ed.), *New Readings in the Literature of British India, c. 1780–1947* (pp. 65–93). Stuttgart: Verlag.

Kingsley, Z. (2008). *Women Writing the Home Tour, 1682–1812*. Aldershot: Ashgate Publishing Company.

Melman, B. (1992). *Women's Orients: English Women and the Middle East, 1718–1918. Sexuality, Religion and Work*. London: Macmillan.

Mills, S. (1993). *Discourses of Difference: An Analysis of Women's Travel Writing and Colonialism*. London; New York: Routledge.

Ponomarev, E. R. (2017). Russkij imperskij travelog [Russian Imperial Travelogue]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 144. Retrieved from <http://www.nlobooks.ru/node/8341>. (In Russian)

Pratt, M.-L. (2007). *Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation*. London; New York: Routledge.

Said, E. W. (1994). *Orientalism*. New York: Random House.

Schönle, A. (2000). *Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey, 1790–1840*. Cambridge; London: Harvard University Press.

Submitted on 05 June, 2017
Accepted on 22 August, 2017